

ДВА ТИПА ФИЛОСОФИИ И ИДЕАЛ УНИВЕРСАЛИЗМА: ОТ МЕТАФИЗИКИ К ЛИТЕРАТУРНОЙ ОБРАЗНОСТИ

Пигалев А.И.

*Доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник.
Волгоградский государственный университет,
(Волгоград, Россия)*

УДК 1(091):130.2

В докладе рассматриваются особенности мышления и изложения, характерные для систематической и наставительной философии, как эти типы философствования были названы Р. Рорти. Они отличаются друг от друга, в общих чертах, своим отношением к философской традиции, так что систематическая философия исходит из постулата, что человек познает сущности, в то время как наставительная философия, будучи намеренно периферийной, скептически относится к цели и подходам систематической философии. Кроме того, если первый тип философии основывается на метафизике как структуре репрезентации вместе с ее требованиями логической строгости, в рамках второго типа философии предполагается, что слова не являются репрезентациями и получают свои значения только от других слов. В результате наставительная философия тяготеет к риторике и прибегает, скорее, к литературной образности, чем к логическому анализу и доказательствам, вследствие чего она не может соответствовать требованиям универсализма. Взаимодействие философии и литературы в наставительной философии рассматривается в ракурсе истории философии как литературы, которая, со временем занимая место метафизики, берет на себя главную роль в упорядочении и ограничении отношений между интерпретативными означающими, которые, как представляется, утратили свои означаемые.

Ключевые слова: философия, метафизика, репрезентация, литература, универсализм

THE TWO TYPES OF PHILOSOPHY AND THE IDEAL OF UNIVERSALISM: FROM METAPHYSICS TO LITERARY FIGURATIONS

Pigalev A. I.

*Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Leading Researcher.
Volgograd State University,
(Volgograd, Russia)*

The paper deals with the peculiarities of thinking and exposition that characterize the systematic and the edifying types of philosophy as they were labeled by R. Rorty. Generally, they differ from each other in their attitude to the philosophical tradition, so that the systematic philosophy proceeds from the postulate that man is a knower of essences, while the edifying philosophy, being intentionally peripheral, is sceptical about the goal and the approaches of the systematic one. Besides, whereas the first type of philosophy relies on metaphysics as the representational structure together with its requirements of the logical rigor, the second one believes that words are not representational and take their meanings barely from other words. In the issue, the edifying philosophy gravitates towards the rhetoric and resorts to the literary figurations rather than to logical analysis and reasoning, whereupon it cannot meet the requirements of universalism. The interplay of philosophy and literature in the edifying philosophy is considered from the perspective of the history of philosophy as literature that, eventually taking the place of metaphysics, assumes a dominating role in ordering and limiting the relations between the interpretive signifiers which seem to lose their signifieds.

Keywords: philosophy, metaphysics, literature, representation, universalism

Концепция стилей в философии или, точнее, типов философского мышления уже довольно давно перестала быть предметом горячих дискуссий, перейдя в разряд рабочих гипотез или даже общепризнанных постулатов. Это позволяет, однако, выделять такие типы на основе различных признаков и, тем самым, создавая различные варианты их классификации, демонстрировать их условность. В то же время, классификация такого рода действительно представляют интерес в качестве предмета теоретического анализа, если позиция ее создателя не только обозначена явным образом, но и входит в число теоретических предпосылок этой классификации, пусть даже неосознаваемых. Представляется, что в этом отношении наиболее высоким эвристическим потенциалом обладает проведенное Р. Рорти различие между группами мыслителей, которых он называет, соответственно, «философами-систематиками» и «философами-наставниками» [1, с. 264–266].

Различие подходов этих мыслителей к задачам философии проявляются, в целом, в отношении к некоторому основному руслу, канону, традиции или парадигме, и они классифицируются именно в соответствии с этим признаком. Философы-систематики первоначально выделяют из множества практик одну – познание сущностей, затем превращают ее в парадигму человеческой деятельности и работают в ее границах. Напротив, философы-наставники находятся на периферии систематической философии и, главным образом, выступают против нее, подвергая критике как ее образ человека, так и ее картину мира, и настаивая на том, что язык не имеет репрезентативного характера и берет свои значения отнюдь не из реальности, а из отношений одних слов с другими [1, с. 270–276].

В этом смысле дискурс, создаваемый и поддерживаемый философами-наставниками, не стремится к истине в ее понимании философами-систематиками, изначально и вполне сознательно предполагается выходящим за пределы нормы и действует, используя силу своей непривычности. Точно так же философы-наставники отвергают характерное стремление философов-систематиков к универсализму или, как пишет Рорти, к соизмеримости. Это признание наличия оснований для чего-то общего («соизмеримого») с другими людьми, некоторого нейтрального концептуального каркаса, который обеспечивал бы согласие с ними [1, с. 216]. В сущности, речь идет о вере философов-систематиков в универсализм собственного дискурса, тогда как философы-наставники с большим скепсисом относятся к самой возможности такого универсализма.

При этом, однако, именно философы-наставники проявляют особый интерес к лиминальным состояниям и приграничным областям взаимодействующих культур с тем, чтобы установить связи между «несоизмеримыми» культурами, сохраняя их своеобразие. Возможно и обратное стремление – перетолковать собственное и поэтому понятное знаковое окружение в незнакомых терминах [1, с. 266]. В любом случае систематическая философия не столько полностью отвергается, сколько превращается лишь в один из возможных способов познания сущности, а ее дискурс в силу этого не может считаться универсальным. Этим объясняется и то, что философы-наставники были первыми, кто с одной стороны, в явном виде поставил проблему Другого, а с другой стороны, связал эту проблему с критикой метафизики в качестве средства универсализации посредством стандартной процедуры отнесения какого-либо вида к некоторому роду.

Именно в этой связи особую актуальность приобретает проблема взаимодействия философии и литературы. Философы-систематики ориентированы на логику и доказательность, основывающиеся на метафизике, которая обеспечивает универсализм мышления. Философы-наставники ориентированы на риторику и литературную образность, возможность обеспечения универсализма которыми далеко не очевидна. В основе противопоставления риторики и логики лежит вопрос о соотношении достоверности и вероятности, и если риторика имеет дело с вероятными аргументами, то логика требует, чтобы аргументы были достоверными и, соответственно, универсальными. Это ставит вопрос о самой возможности выражения философского содержания с помощью тяготеющих к риторике, а не к логике литературных жанров – диалога, поэзии, эссе, повествования, афоризмов и др. Однако последний вопрос не является самостоятельным и зависит от

отношений литературы с метафизикой как системой репрезентации и основой того мышления, который считается нормативным философами-систематиками.

Констатация конца метафизики в современной философии ведет к признанию того, что единственной реальностью оказывается воля к власти, которая переходит в волю к воле в качестве собственного истока и основания. Это означает, что именно власть, утратившая связь с обосновывающим и упорядочивающим остовом метафизики, вынуждена исполнять ее роль в ее отсутствие [2]. При ближайшем рассмотрении выясняется, что кроме метафизики, которую, впрочем, можно было бы попытаться восстановить в ее правах, еще одним претендентом на эту роль является литература, особенно в ее поэтической ипостаси, с которой также связывается способность восстановления разрушенной целостности культуры. В итоге возникает осознание того, что метафизика не дана в своей уникальности, а сконструирована. Следовательно, она может рассматриваться лишь как один из вариантов интерпретации рациональной упорядоченности мира [3, с. 656–657].

Значение вещи при таком понимании не может считаться органически присущим ей свойством, а должно всякий раз заново возникать из взаимодействия данной вещи с другими вещами. Соответственно, искусство и, в частности, литература в рамках такой теоретической модели не могут рассматриваться как репрезентация фиксированного трансцендентного означаемого. Как и искусство в целом, литература превращаются в деятельность, результатом которой может быть лишь введение новых означающих, не имеющих, однако, означаемых. В философском дискурсе в рамках такого подхода никакие заранее данные, вечные и неизменные означаемые, подобные метафизическим сущностям, также не допускаются. В лучшем случае означаемые могут считаться лишь «следами» [4, с. 198–200], которые не могут быть репрезентированы и служат основой для множественных независимых друг от друга интерпретаций, число которых ничем не ограничено.

Поскольку в этих условиях философский дискурс не предполагает существование объединяющей трансцендентной структуры в качестве означаемого, он неизбежно приобретает черты литературного. Обнаружение объединяющей трансцендентной структуры в разрозненных и изменчивых фрагментах опыта или их соотнесение с ней позволило бы включить их в процесс обобщающей репрезентации, способной придать им устойчивое универсальное значение. Однако в новых условиях философский дискурс может сводить такую структуру лишь к некоторому нормативному принципу, упорядочивающему и ограничивающему взаимодействие интерпретативных означающих. При этом они не имеют означаемых и не зависят друг от друга, существуя в качестве множества неустранимых различий [3, с. 661–662]. В результате эстетика философского текста, в котором преобладает литературная образность, приобретает особое значение, но способность соответствующего философского дискурса выражать универсальные истины оказывается под сомнением.

Список литературы

1. Рорти Р. Философия и зеркало природы / Пер. с англ. В.В. Целищева. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1997. – 320 с.
2. Фуко М. Око власти // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с фр. С.Ч. Офертаса под общ. ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. – М., 2002. – Ч. 1. – С. 220–248.
3. Wolosky S. Religion and Literature: Exegesis, Hermeneutics, Post-Modern Theories // The Palgrave Handbook of Philosophy and Literature. Ed. by B. Stocker and M. Mack. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 645– 664.
4. Деррида Ж. О грамматологии / Пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. – М.: Ad Marginem, 2000. – 512 с.